

ЗА СВОЙ СЧЕТ И НА СВОЙ ВКУС

Наш жанр, безусловно, зрелищный и, безусловно, любимый. Но попробуем оттолкнуться от этих определений и разобраться в теневых сторонах явления.

Аудитория эстрады очень сильно выросла за последние годы. В частности, увеличилось число зрителей, приходящих на эстрадный концерт. Если раньше артист ехал выступать в зал на 600 мест, то сегодня он выходит перед зрителями во дворцах спорта, вмещающих пять — семь тысяч человек, или на праздниках на стадионах перед огромной толпой людей — 10—40 тысяч человек! Так что масштаб работы эстрадного артиста сегодня другой. Если, например, я раньше обслуживал в год 50 — 100 тысяч зрителей, то сейчас эта цифра доходит до миллиона и полутора миллионов.

Соответственно сегодня нужны другие средства выразительности. Кто зритель концерта во Дворце спорта? Человек, который не менее посетителя красивого концертного зала стремится к эстетическому комфорту, ярким художественным впечатлениям. Он должен прийти в этот в общем-то специально не оборудованный, некомфортный зал, а увидеть яркое зрелище: интересных актеров, соответствующую сценографию, свет, аппаратуру — все это должно отвечать объему и конструкции зала. Актерская работа должна приобрести больший элемент эмоциональности. Одно дело — петь для четырехсот человек и совсем другое — для пяти, шести, десяти тысяч зрителей. Попробуйте на минуту представить, что на вашем рабочем месте за вами непрерывно наблюдают тысячи глаз.

Для того чтобы работать в этих условиях, артист должен иметь «инструмент». Как хороший рабочий не может выточить сложной детали без соответствующих инструментов, так и артисту, дабы проявить все свои способности в таком монументальном эстрадном жанре, нужны здесь, во дворцах, хорошая сцена, хорошая аппаратура и свет. Но попробуй все это получить: нужны, естественно, средства.

Билеты на выступления ведущих эстрадных гастролеров подорожали до четырех рублей. Это высокая цифра. Значит, доходы от концертов возросли. А вот вклады в концерт не увеличились. И в результате как мы выступаем? Наспех сколоченная сцена. Свет, который предназначен только для спортивных соревнований. Голый, неоформленный зал.

Известно, что концертные нормы эстрадных исполнителей ограничены. Количество концертов, которые они могут дать, сократилось. Следовательно, бухгалтеры от искусства заинтересованы, чтобы они прошли в крупных, огромных залах, ибо именно они дадут наибольшую прибыль. Ведь нужно выполнить план по зрителю, по финансам. Но если всем понятно, что такие концерты (несмотря даже на то, что они проходят не всегда профессионально и не в лучших условиях) — доходное дело, что они приносят прибыль и той организации, которая посылает артиста и коллектив, и той, которая принимает, то почему же нельзя хотя бы часть полученных средств закладывать в постановочные расходы на эти концерты? Чтобы можно было пригласить хорошего режиссера, художника, чтобы сделать свет, чтобы оснастить исполнительский коллектив.

Конечно, у нас в стране есть несколько дворцов, которые оборудованы хорошо. И есть коллективы, оснащенные «на уровне». Но этого ничтожно мало. И возникают сплошь и рядом такие, например, ситуации.

...Городской Дворец спорта. Приехала группа. Скажем, «Верасы», или «Песняры», или Ротару. Зрители рассчитывают, что они увидят по крайней мере то, что они видят по телевидению. Но ничего подобного! Аппаратуры нет, костюмы — ну с костюмами всегда проблема... И Алла Пугачева, и София Ротару, и многие менее именитые мои коллеги занимаются ими сами, за свой счет и на свой вкус, чего быть, конечно, не должно. Только что у нас в стране прошли гастролы итальянских эстрадных коллективов, которые организовал Госконцерт. Ни в коей мере не оспариваю важность таких мероприятий. Но хочу сказать вот о чем. Гастролерам выплачивали большие гонорары, можно сказать, астрономические. Да, Тото Кутуньо — выдающийся мастер, но Фиордализа? Не знаю, не уверен. На эти деньги можно было прекрасно одеть четыре ведущих отечественных коллектива.

Так вот, вернемся к нашему концерту во Дворце спорта. Скепсис зрителей нарастает по мере того, как идет программа: как же, приехали известные артисты, а звука нет, там не слышно, там, наоборот, громко, там звенит, там трещит... А что может сделать артист?

Как бы ты хорошо ни пел, как бы тебя ни любили, ты должен расти, совершенствоваться, делать новые программы. А получается, что артиста ничто не стимулирует.

Достаточно выходить, открывать рот, и все. В твоей концертной организации спокойно. Создавать новые синтетические программы — это большая проблема. На выбивание постановочных средств затрачивается неразумно большая энергия. Ходишь, просишь, но в результате в конце года оказывается, что в твоей организации денег нет и ты ничего на это не получаешь. Парадокс! Артист не может добиться, чтобы выделили 8—10 тысяч, хотя в прошлом году он заработал полтора миллиона.

Артисты эстрады так часто появляются перед зрителем, что они обязаны каждый раз быть «на высоте», ведь они воспитывают вкусы массовой аудитории. Нам всем просто повезло, что у Эдиты Пьехи хороший вкус. А другие? Почему не развивать нашу собственную эстраду? Должен быть режиссер, который со стороны сказал бы, как выглядит артист, который бы рационально и с фантазией выстроил программу и «поставил» артиста на сцену. У них, наконец, должны быть квалифицированные, профессиональные и талантливые авторы. А в эстраду такие не идут, потому что здесь им очень мало платят. Хайт и Левенбук согласились на создание сценария программы «Новые лица», которую мы показали в московском дворце спорта «Динамо». Но это редкость. Казалось бы, все вокруг только и говорят о том, что эстрада не растет, что нужно воспитывать молодую смену, умно подавать молодых артистов. Я принес идею этой программы в свою концертную организацию. Сказали: дело важное. Но нужен сценарий. Я не могу писать его сам, то есть могу, но непрофессионально: это чуждое мне поприще. А где взять сценаристов?

Такая вот ситуация с оценкой результатов их труда в эстраде создала благоприятные условия для штамповщика. Процветают в сценарном деле в эстраде те, кто набил руку на многих программах, кто ремесленнически мастерит их одно за другой. Таким действительно не надо платить. А сделать злободневную программу — это воздух, это время!

Здесь платить надо. Иначе никто и братья не будет. Многие артисты начинают сами писать. Хотя ни для кого не секрет, что как певцы Алла Пугачева, Юрий Антонов, Александр Градский выше, чем авторы, а между тем их авторский труд оплачивают во

много раз больше, чем артистический. То же и с режиссерами. Сделать интересную программу на какой-нибудь центральной площадке значительно сложнее, чем поставить сельский праздник на стадионе. А оценивается этот труд не выше. В результате большинство «утекает» туда, на стадионы. Главным критерием в оценке любой программы должен быть уровень профессионализма. Скажем, вот эта программа должна идти по третьей категории, а эта (хотя участники те же самые) — по другой. Не должно быть такого, чтобы вот этот певец пел только по высшей ставке все оставшиеся годы, как говорится, после ее получения. У артиста вообще не должно быть раз и навсегда данной ставки. Иначе неизбежно будут возникать такие ситуации, когда певец, с возрастом утратив самые привлекательные стороны таланта, почивает пусть даже на честно в свое время заработанной ставке. А когда он был молодым, имел у зрителей гораздо больший успех, много ездил с концертами, труд его оценивали гораздо ниже.

Кто следит за уровнем мастерства артиста? Получается, что только зритель. Филармонии заинтересованы не в качестве эстрадных концертов, а в том, чтобы собрать деньги. У меня по плану были концерты во Львове, всего три концерта. Приезжаю — директор в панике: «У меня заявок на 16 тысяч! Вы у нас никогда не были, понимаете, зал у нас на 800 мест. Вы не будете обижаться... Вы смогли бы выступить на велотреке? Там три с половиной тысячи, там выступать можно — у нас там танцевал александровский ансамбль. Мы уже билеты продали...» Я вышел на велотрек. Аппаратуры у меня такой мощной нет. Света там никакого. Качество концерта ни меня, ни зрителей удовлетворить, естественно, не может. А если бы я отказался? Здесь встает другая проблема, и правильно о ней писали газеты, ибо она мешает нам нормально работать: слухи поползут! Люди дезориентированы. Для артиста это всегда унизиет.

Такой же пример на фестивале в Кемерове. Должен был состояться эстрадный концерт в Прокопьевске. Представьте себе площадку: дворец только на словах дворец, окна заколочены фанерой. Мы вместе с Тамарой Головановой натягиваем полочник на сцену, выносим какие-то три прожектора... Приходит зритель. Естественно, все «качество» — антураж, звук — ассоциируется только с одним артистом. Он отвечает перед зрителем за все.

Если говорить о материальной базе эстрады, то стоит напомнить, что писали о транспорте. Свой транспорт в концертной организации очень плохой или его нет, наемать — существует масса условий с оплатой. Можно юморески писать о том, как артисты хватают попутные машины, как они затапливают в них аппаратуру и платят наличными. А что делать? Концерты становятся более массовыми. Тонны оборудования растут, а штатные расписания в концертных организациях не меняются. Раньше рабочий грузил восемьсот килограммов, а сегодня на тех же условиях должен грузить четыре тонны. Конечно, никто и не идет сюда работать.

Об ограниченных концертных нормах в последнее время говорят очень горячо, страстно. И это понятно. Нельзя человека ограничивать в работе. Если есть на артиста спрос, значит, он должен работать. Талант надо максимально использовать, и государству это принесет немалый доход.

А ограниченные нормы — только расход. В позапрошлом году я лечу в Северобайкальск на три концерта. Естественно, перелет нелегкий: долетели до Улан-Уда, там сидим в аэропорту, потому что гостиницы нет. Сидим часами. Потом прилетели еще на один аэродром, и оттуда уже должны добираться на АН-2. Самолет три раза возвращается, чтобы забрать две тонны нашей аппаратуры, затем они трясутся на машине по бездорожью. Рентабельно это на три концерта? Вот и начинаются во многих местах всякие обходные маневры. Разные способы придумывают, чтобы нарушить существующие правила. Главное, найти фонды, как сказано в статье А. Асадуллина и А. Лурье «Одиссея артиста эстрады» («СК», 28 января с. г.). Безусловно, это порождает негативные явления. И возникает вопрос: почему все должны «чего-то там химичить»? Если существует правило, которое все время нарушается (конечно, с известным трудом, но все же нарушается! И местные органы каждый раз идут на это), не значит ли это, что само правило устарело, что его надо менять?

Отношение к эстраднему артисту в концертных организациях оставляет желать лучшего. Конечно, нет сомнения, что администрация филармонии встретит Кобзона, Пугачеву, Лещенко и Леонтьева. А других? Нет лимитов на гостиницы, на бензин, своих машин нет. А труд действительно тяжелый. Ведь зритель скидок не делает ни на бессонную ночь в аэропорту, ни на сломанную аппаратуру.

В эстраде мало квалифицированных кадров. У нас есть либо самоучки, либо хваткие люди из других областей. А между тем, учитывая актуальность и демократизм жанра, тут должно быть отфильтрованное качество — отфильтрованное режиссером и самим актером. Актер должен уметь во многом разбираться, иметь четкие художественные критерии, уметь работать над материалом.

Предположим, предложат Алле Пугачевой снять фильм или программу. И кто будет над всем думать? Она сама! А ведь к ней, по идее, должны броситься сорок режиссеров, сценаристов с предложениями. Конкурс должен быть! Но... ничего подобного нет.

Существует теперь уже в ГИТИСе отделение режиссеров и актеров эстрады. Но курс там очень маленький, и больше он быть не может — условия учебного процесса не позволяют. Еще 15 лет назад, когда я учился, стояло крохотное здание ГИТИСа в Собиновском переулке. И стоит до сих пор. А мы мечтаем об эстрадной индустрии.

Разветвленная сеть концертных организаций опутывает артиста. Ведь каждая имеет свою документацию и свои планы. А должна, на мой взгляд, существовать одна крепкая централизованная организация, чтобы было так: возьми документ, поезжай, привези, оставь копию. Участвуют только две инстанции — посылающая и принимающая. Они должны работать на паритете, прибыль делить пополам.

Сейчас сто человек разрешают или не разрешают эстраднему артисту то-то и то-то и отмечают его бумаги. А тогда, уверен, эта организация не будет их держать, потому что это невыгодно. Эстрадные коллективы должны работать только с кассой. А все наши промежуточные многочисленные концертные учреждения — кровососы. Пять процентов прибыли забирает Союзконцерт, пять — Укрконцерт, пять — Росконцерт. Если же они будут получать непосредственно от государства, тогда оно поймет, что невыгодно платить в несколько карманов.

В последнее время и в министерствах культуры, и в концертных организациях, и на страницах печати мы буквально воздеваем к небу руки: не пора ли наконец изменить, ликвидировать, улучшить? Действительно пора!

Лев ЛЕЩЕНКО,
народный артист РСФСР.